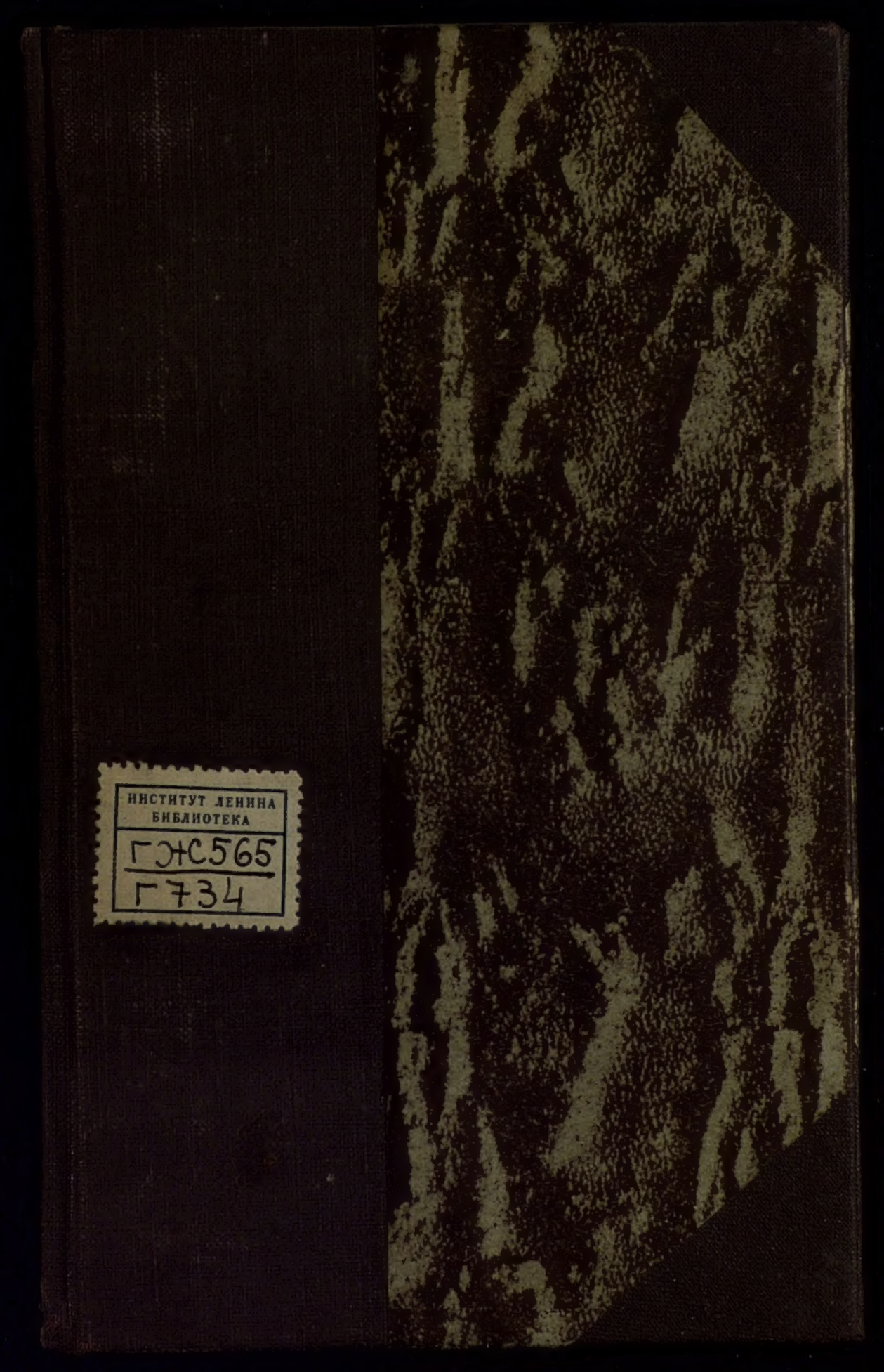

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГЖС565
Г734

Народная библіотека „СВОБОДНОЕ СЛОВО.“

Е. ГОРЕЦЪ.

ГЖ565
Г734

ИЗМѢННИКИ и ПРЕДАТЕЛИ РОССІИ.

Изданіе
Т-ва И. Д. СЫТИНА.

Народная библіотека „СВОБОДНОЕ СЛОВО".

ГЖ565
Г734

Е. ГОРЕЦЪ.

X

ИЗМѢННИКИ И ПРЕДАТЕЛИ РОССІИ.

Изданіе
Т-ва И. Д. Сытина.

1934
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2008
ГЖС565 р
Г 734
ИНСТИТУТ В. И. ЛЕНИНА
№
БИБЛИО
195-1934
98590 У

МОСКВА.
Типографія Т-ва И. Д. Сытина Пятницкая ул., соб. домъ.
1917.

I.

Въ іюлѣ 1914 года началась Великая война.

Первые шаги нашей арміи на войнѣ были очень удачны. Наши войска, перейдя границу, заняли пограничные селенія, города и уже начали углубляться въ непріятельскую страну. И вдругъ въ то время, когда казалось, что ихъ ожидаютъ новыя удачи, они начали терпѣть пораженіе за пораженіемъ.

Первымъ чувствительнымъ для насъ ударомъ была почти полная гибель двухъ нашихъ корпусовъ (80 тысячъ человѣкъ). Они были окружены непріятелемъ. Часть ихъ была перебита, часть (самая большая) была взята въ плѣнъ, и только остаткамъ ихъ съ трудомъ удалось прорвать желѣзное кольцо непріятеля и отступить. За первой неудачей послѣдовали другія. Врагъ наступалъ дружно, настойчиво. Наши войска всюду оказывали ему упорное сопротивленіе, но все же, въ концѣ-концовъ, принуждены были отступать и отступать. Отступая, они оставили взятыя раньше австрійскія крѣпости Львовъ и Перемышль, оставили много своихъ городовъ и лучшія крѣпости. А врагъ все надвигался и съ теченіемъ времени, занявъ всю Польшу, Бѣлоруссію, Прибалтійскій край, сталъ угрожать Петрограду.

Въ чемъ же заключаются причины нашихъ неудачъ? Мало ли у насъ войска плохо ли оно

подготовлено къ войнѣ, не хватило ли у насъ оружія, боевыхъ припасовъ, провіанта, или же были еще какія-либо другія важныя причины?

Войска у насъ въ началѣ войны было много, и теперь недостатка въ немъ мы не испытываемъ. Нашъ солдатъ давно извѣстенъ своими лучшими боевыми качествами—храбростью и выносливостью; его выдающееся мужество вызываетъ удивленіе даже въ нашихъ врагахъ. Несчастье наше заключается, во-первыхъ, въ томъ, что война застала насъ врасплохъ, не подготовленными къ ней, а, во-вторыхъ, въ томъ, что въ арміи и въ тылу завелись шпіоны, предатели, продававшіе Россію нашему врагу. На первыхъ же порахъ у насъ оказался страшный недостатокъ оружія, боевыхъ припасовъ и провіанта. Какой это былъ недостатокъ, можно видѣть изъ того, что ружей не хватало для всѣхъ солдатъ, и часто случалось, что въ окопахъ однимъ ружьемъ пользовались двое-трое. Патроновъ было такъ мало, что на каждаго солдата выдавали ихъ по три, по пяти штукъ и приказывали расходовать ихъ осмотрительно, только въ случаѣ крайней необходимости. И въ то время, когда врагъ сыпалъ въ насъ свинцовымъ дождемъ, мы отвѣчали ему рѣдкимъ ружейнымъ огнемъ. А когда приходилось отступать, мы сдерживали натискъ врага почти однимъ штыковымъ боемъ. Не лучше, если не хуже, обстояло дѣло съ орудійными снарядами: ихъ было такъ мало, что на каждые сто нѣмецкихъ выстрѣловъ мы едва ли могли отвѣтить только десятью выстрѣлами. Кромѣ того, часто случалось, что присылались на фронтъ такіе снаряды, которые были непригодными

для стрѣльбы: объемъ ихъ оказывался то больше, то меньше объема казенной части орудія (той части орудія, въ которую вкладывается снарядъ.) Надо сказать, что орудійные снаряды изготовляются по заранѣе составленнымъ чертежамъ. Какой калибръ орудія (поперечный размѣръ его канала), такой долженъ быть и калибръ снаряда. Малѣйшая неточность въ калибрѣ спаряда дѣлаетъ его непригоднымъ для стрѣльбы. На заводахъ строго слѣдятъ за точнымъ исполненіемъ чертежей, и если все же спаряды оказывались непригодными для стрѣльбы, то тутъ была не случайность, а злой умыселъ, что подтвердилось впослѣдствіи.

Перейдемъ къ продовольствію арміи.

Оно было налажено очень плохо. Въ тылу тратились милліоны и сотни милліоновъ рублей на закупку муки, крупы, овощей, скота, а на фронтѣ солдатамъ приходилось нерѣдко по нѣсколько дней питаться одними сухарями. Почему такъ? А потому, что цѣлые транспорты муки то застряли гдѣ-то на желѣзной дорогѣ, то вмѣсто фронта попадали, якобы по ошибкѣ, въ другую сторону. Случалось и то, что скотъ, предназначенный для арміи, дорогой падалъ, и на фронтъ попадало его самое незначительное количество. Бывало и такъ, что провизіи было въ изобиліи, находилась она недалеко отъ фронта, а доставить ее на фронтъ никакъ не удавалось. То же самое можно сказать и насчетъ обмундированія арміи: въ тылу на изготовленіе одежды и обуви тратились сотни милліоновъ рублей, а на фронтѣ не хватало для солдатъ сапогъ, не хватало прочной одежды.

Было видно, что кто-то старается обезсилить нашу армію, сдѣлать ее неспособной къ дальнѣйшему веденію войны. Съ другой стороны, военнымъ и невоеннымъ людямъ сразу бросалось въ глаза, что врагъ наносилъ намъ свои удары съ такимъ разсчетомъ, такъ вѣрно, что будто бы ему заранѣе хорошо было извѣстно все: о передвиженіи нашихъ войскъ, объ ихъ расположеніи, числѣ ихъ, родѣ ихъ оружія, т.-е. сколько въ каждой части пѣхоты, кавалеріи, артиллеріи. Бросалось въ глаза и то, что врагу были извѣстны и многія весьма секретныя свѣдѣнія, касающіяся нашей арміи. Какъ могъ нашъ врагъ добыть всѣ эти свѣдѣнія?

Правда, извѣстно было, что еще задолго до войны въ Россію нахлынули тысячи германскихъ и австрійскихъ шпіоновъ. Одни изъ нихъ для отвода глазъ занялись торговлей, ремеслами, другіе поступили на частную, третьи—на государственную службу, а чтобы отклонить отъ себя всякое подозрѣніе, приняли русское подданство. И какъ паутиной путали они шпіонской дѣятельностью всю Россію. Они изъѣздили нашу страну вдоль и поперекъ и обо всемъ, что заслуживало вниманія, собрали такія точныя свѣдѣнія, которыми и мы не располагали. Они составили самыя точныя карты всей Россіи и тѣхъ мѣстностей, гдѣ потомъ начались бои; имѣлись у нихъ и планы нашихъ городовъ и крѣпостей. Они изучили Россію съ большимъ знаніемъ дѣла. Да иначе и быть не могло потому, что задача эта была возложена на людей умныхъ, знающихъ дѣло. Въ распоряженіе ихъ отпускались громадныя суммы денегъ, что давало возможность имъ добывать и

секретныя свѣдѣнія, касающіяся нашей арміи. Но во время войны всѣхъ этихъ свѣдѣній еще не вполнѣ достаточно для того, чтобы имѣть возможность нанести врагу вѣрный ударъ, необходимы были важныя и секретныя свѣдѣнія о нашей арміи въ моментъ ея военныхъ дѣйствій. Многія изъ такихъ свѣдѣній находились въ распоряженіи нашего врага. Давали ихъ ему бывшій нашъ военный министръ генералъ-адъютантъ Сухомлиновъ и жандармскій подполковникъ Мясоѣдовъ. Эти два человѣка и цѣлая свора ихъ пособниковъ ради собственной корысти, ради денегъ, причинили страшное, непоправимое несчастье Россіи. Они лишній разъ выкупали ее въ потокахъ ея крови и разорили ее. Кто знаетъ, если бы не ихъ предательство, то, быть-можетъ, война была бы давно кончена и, судя по первымъ успѣхамъ нашихъ войскъ, конечно, въ пользу Россіи. Теперь же, когда пишутся эти строки, кровь человѣческая льется и льется и не извѣстно, когда наступитъ конецъ великаго страданія русскаго народа.

II.

Какъ обнаружилось предательство Мясоѣдова и Сухомлинова?

Чтобы разсказать объ этомъ, надо начать издалека, съ того времени, когда впервые познакомились между собой эти два человѣка. Начнемъ съ Мясоѣдова. Онъ поступилъ на военную службу офицеромъ въ 1885 году. Прослуживъ 8 лѣтъ, онъ былъ зачисленъ въ корпусъ жандармовъ и назначенъ помощникомъ начальника желѣзнодорож-

наго полицейскаго управленія въ Вержболово (послѣдняя станція желѣзной дороги на прусской границѣ). Какъ велъ себя въ началѣ службы Мясоѣдовъ — неизвѣстно, но въ 1906 году въ департаментѣ полиціи получились свѣдѣнія о томъ, что онъ беретъ взятки и держитъ себя очень подозрительно. Тогдашній министръ Столыпинъ (впослѣдствіи убитый въ Кіевѣ) приказалъ перевести его на службу въ Самарскую губернію. Мясоѣдовъ не захотѣлъ служить въ этой губерніи и подалъ въ отставку.

Какъ и на какія деньги жилъ онъ, находясь въ отставкѣ — неизвѣстно, а въ 1909 году объявился предсѣдателемъ сѣверно-западнаго пароходнаго общества. Общество это было учреждено на нѣмецкія деньги. Однимъ изъ директоровъ его (главныхъ воротилъ) былъ австріецъ баронъ Отто Гроттусъ. Впослѣдствіи обнаружилось, что Гроттусъ былъ австрійскимъ шпіономъ. Его судили и приговорили къ каторжнымъ работамъ. Въ это время Мясоѣдовъ познакомился съ военнымъ министромъ Сухомлиновымъ. Знакомство вскорѣ перешло въ дружбу, и годъ спустя Мясоѣдовъ съ женой и Сухомлиновъ съ женой вмѣстѣ жили за границей, въ австрійскомъ городѣ Карлсбадѣ. Встрѣчались они, какъ добрые старинные друзья. Тутъ Мясоѣдовъ и закинулъ удочку министру насчетъ своего поступленія на военную службу. Министръ отвѣтилъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ этого. А жена Мясоѣдова тѣмъ временемъ не дремала: чтобы еще больше расположить въ пользу мужа военнаго министра, принесла его женѣ дорогую соболью муфту, стоя-

щую 1200 рублей, и сказала, что муфта по случаю продается всего лишь за сто рублей. Министрова жена обрадовалась случаю и поспѣшила купить эту муфту за 100 руб., то-есть, другими словами, взяла съ Мясоѣдовыхъ взятку въ 1100 рублей.

Поживъ въ Карлсбадѣ, министръ вернулся въ Петроградъ. Туда же пріѣхалъ и Мясоѣдовъ съ женой. Сталъ онъ бывать у министра какъ свой, домашній человѣкъ. Дружба ихъ росла, что называется, не по днямъ, а по часамъ. Министръ былъ откровененъ съ Мясоѣдовымъ и не скрывалъ отъ него даже важныхъ государственныхъ тайнъ. Прошелъ годъ. Новый Годъ министръ съ женой встрѣчалъ въ домѣ Мясоѣдова. Значитъ, дружба между двумя семьями была полная. Послѣ Новаго Года по Петрограду, среди государственныхъ сановниковъ, распространился слухъ о томъ, что военный министръ намѣренъ принять къ себѣ на службу Мясоѣдова.

Адъютантъ министра, узнавъ отъ самого министра, что слухъ этотъ вѣренъ, предупредилъ его, что Мясоѣдовъ — человѣкъ весьма подозрительный, что о немъ имѣются въ департаментѣ полиціи и генеральномъ штабѣ документы, указывающіе на его причастность къ германскому шпіонажу. Министръ потребовалъ къ себѣ эти документы, просмотрѣлъ ихъ и, по его словамъ, не нашелъ въ нихъ ничего такого, что могло бы уличить Мясоѣдова въ шпіонствѣ. Черезъ нѣкоторое время Мясоѣдовъ былъ принятъ на службу, при чемъ Сухомлиновъ оставилъ его при своемъ министерствѣ.

Узнавъ объ этомъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Макаровъ предупредилъ Сухомлинова, что Мясоѣдовъ очень опасный человѣкъ, и что онъ съ нимъ попадетъ въ большую бѣду. Мало того, онъ о томъ же написалъ министру письмо. Сухомлиновъ же, вмѣсто того, чтобы разслѣдовать дѣло, взялъ и передалъ это письмо Мясоѣдову. Мясоѣдовъ письмомъ отвѣтилъ Сухомлинову, что все то, что написалъ про него Макаровъ—ложь, что онъ изъ личной непріязни, по злобѣ клевещетъ на него. Больше никакихъ объясненій отъ Мясоѣдова не потребовалъ Сухомлиновъ.

Между тѣмъ въ газетахъ стали писать о томъ, что Мясоѣдовъ—германскій шпіонъ, что онъ за деньги выдаетъ германскому правительству секретные документы о русской арміи. Писалъ объ этомъ членъ Государственной Думы А. И. Гучковъ, нынѣ военный и морской министръ временнаго правительства.

Въ Государственной Думѣ есть комиссія государственной обороны. Она вѣдаетъ дѣлами, касающимися обороны Россіи на случай войны съ какимъ-нибудь иностраннымъ государствомъ. Предсѣдателемъ этой комиссіи былъ А. И. Гучковъ. Онъ и предложилъ военному министру объяснить комиссіи, правда ли, что Мясоѣдовъ германскій шпіонъ, или же это неправда. Сухомлиновъ не могъ отказаться отъ такого объясненія, но, прежде чѣмъ дать его, приказалъ генераламъ Жилинскому и Толмачеву и главному военному прокурору разслѣдовать дѣло о Мясоѣдовѣ. Вслѣдъ за такимъ приказаніемъ онъ написалъ генералу Толмачеву письмо

такого содержанія: «Состоявшій въ моемъ распоряженіи подполковникъ Мясоѣдовъ возлагаемыя мною на него обязанности исполнялъ всегда съ тактомъ, выдержкой и толково. Считаю своимъ долгомъ засвидѣтельствовать, что работой и исполнительностью его, Мясоѣдова, я былъ весьма доволенъ и надѣюсь, что возведенное на него обвиненіе будетъ скоро выяснено, и въ пользу Мясоѣдова».

Другими словами, министръ письмомъ своимъ требовалъ отъ генераловъ и прокурора, чтобы они обѣлили Мясоѣдова. Какъ тѣ производили дознаніе, неизвѣстно, но они сдѣлали то, что требовалъ отъ нихъ министръ. Они отвѣтили ему, что не нашли въ дѣлѣ Мясоѣдова ничего такого, что бы могло быть опаснымъ для государства. Этотъ отвѣтъ Сухомлиновъ сообщилъ комиссіи государственной обороны и, кромѣ того, напечаталъ въ газетахъ, что возведенное на Мясоѣдова обвиненіе — ложь, клевета.

Мясоѣдовъ послѣ такого обѣленія вломился въ амбицію и вызвалъ Гучкова на дуэль (поединокъ). Гучковъ вызова не принялъ и не переставалъ твердить, что Мясоѣдовъ — германскій шпіонъ. Получился большой скандалъ. Сухомлинову неловко было держать у себя на службѣ Мясоѣдова, и онъ уволилъ его въ отставку. Этого мало, онъ приказалъ своимъ агентамъ имѣть за нимъ тайное наблюденіе. Онъ хотѣлъ показать этимъ, что не зналъ Мясоѣдова, какъ шпіона, хотѣлъ провѣрить ходившіе о немъ слухи. Наблюденія агентовъ выяснили, что въ домѣ Мясоѣдова собирались такіе люди, которые сочувствовали Германіи, желали ей побѣды

надъ Россіей; собирались и такіе подозрительные люди, о которыхъ ходили слухи, что они германскіе и австрійскіе шпіоны. Среди нихъ были: интендантскій генералъ Грейфонъ, нѣмка Аурихъ, баронъ Унгернъ-Штернбергъ, впослѣдствіи за шпіонство приговоренный судомъ къ каторжнымъ работамъ. Былъ и нѣмецъ Валентини. Онъ считался торговцемъ аптекарскими товарами, а на самомъ дѣлѣ былъ шпіономъ. Свѣдѣнія о немъ, какъ о шпіонѣ, имѣлись въ военномъ министерствѣ, и Сухомлиновъ не могъ не знать о нихъ. Но онъ показывалъ видъ, что свѣдѣнія, добытыя агентами о Мясоѣдовѣ, для него новость. И въ то же время онъ ничего не сдѣлалъ, чтобы накрыть шпіоновъ съ поличнымъ, съ документами, доказывающими ихъ преступную дѣятельность. Онъ ограничился лишь тѣмъ, что уволилъ въ отставку генерала Грейфона. А между тѣмъ, самъ не прекращалъ дружбы съ Мясоѣдовымъ.

Началась война. Мясоѣдовъ сталъ хлопотать о поступленіи въ дѣйствующую армію и обратился за помощью къ Сухомлинову. Тотъ снабдилъ его такимъ письмомъ: «Милостивый государь, Сергѣй Николаевичъ! На письмо ваше увѣдомляю, что противъ вашего поступленія на дѣйствительную военную службу ничего не имѣю. Вамъ же о поступленіи вновь на военную службу надлежитъ подать прошеніе въ установленномъ порядкѣ».

Мясоѣдовъ съ прошеніемъ о принятіи его на службу обратился въ шестую армію. Но въ штабѣ этой арміи уже имѣлись свѣдѣнія о немъ, какъ объ очень подозрительномъ человѣкѣ. Тогда онъ

подалъ прошеніе въ штабъ 10-й арміи. Штабъ послалъ его прошеніе на усмотрѣніе военнаго министра, который положилъ резолюцію (рѣшеніе), что противъ поступленія Мясоѣдова на службу въ 10-ю армію ничего не имѣетъ. И, такимъ образомъ, Мясоѣдовъ попалъ на службу въ дѣйствующую армію.

Сначала ему дали должность переводчика при штабѣ, но такъ какъ у нѣкоторыхъ офицеровъ имѣлись свѣдѣнія объ его подозрительномъ поведеніи, то его назначили въ развѣдку. На развѣдкѣ, по его словамъ, ему не удалось добыть того, зачѣмъ его посылали. А между тѣмъ въ штабѣ уже были всѣ увѣрены, что онъ—германскій шпіонъ. Его вызвали въ ставку, учредили за нимъ тайный надзоръ. Но уличить его въ шпіонствѣ удалось лишь тогда, когда изъ германскаго плѣна вернулся подпоручикъ Кулаковскій. Этотъ офицеръ, находясь въ плѣну, сумѣлъ добыть такіе документы, которые неоспоримо доказывали, что Мясоѣдовъ состоитъ на службѣ у германскаго правительства шпіономъ. Мясоѣдова арестовали, была арестована и его жена. При обыскѣ въ ихъ квартирѣ была найдена переписка, уличавшая Мясоѣдова въ сношеніяхъ съ австрійскимъ шпіономъ Александромъ Альтшиллеромъ, былъ найденъ и портретъ Вильгельма, подаренный Мясоѣдову, съ собственноручной подписью императора.

Выяснилось, что Мясоѣдовъ, служа въ Вержболовѣ, не разъ бывалъ въ гостяхъ у Вильгельма, когда тотъ пріѣзжалъ въ свое имѣніе, находящееся въ 15-ти верстахъ отъ границы, а въ 1905 году онъ обѣдалъ у него, и Вильгельмъ за его здоровье

поднялъ бокалъ съ шампанскимъ. Само собою разумѣется, что германскій императоръ не сталъ бы приглашать въ гости какого-то русскаго жандармскаго подполковника, если бы тотъ не оказывалъ ему важныхъ услугъ.

Мясоѣдовъ и его жена были преданы военно-полевому суду, который приговорилъ ее къ безсрочной каторгѣ, а его—къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

Военно-полевой судъ засѣдалъ около $2^1/_2$ часовъ. Мясоѣдову были прочитаны всѣ собранныя противъ него обвиненія, которыми онъ изобличался въ полной мѣрѣ. Мясоѣдовъ даже не пробовалъ защищаться и послѣ прочтенія каждаго обвинительнаго пункта вставалъ и громко заявлялъ: «Признаю себя виновнымъ». По окончаніи чтенія обвиненія предсѣдатель военно-полевого суда спросилъ Мясоѣдова, что онъ можетъ сказать въ свое оправданіе. Мясоѣдовъ отвѣтилъ, что по существу обвиненія онъ возразить ничего не можетъ, такъ какъ дѣйствительно состоялъ шпіономъ въ пользу Германіи и устроилъ въ Россіи цѣлую сѣть шпіонскихъ организацій.

Объясняя свое позорное ремесло предатели, Мясоѣдовъ заявилъ, что имъ руководили цѣли монархиста, стремившагося охранить самодержавіе русскаго царя. Мясоѣдовъ предвидѣлъ, что послѣ войны въ Россіи должна вспыхнуть революція, которая закончится сверженіемъ царя. Считая Германію оплотомъ монархизма, Мясоѣдовъ полагалъ, что императоръ Вильгельмъ II, побѣдивъ Россію, сумѣетъ удержать и укрѣпить тронъ Николая II.

Закончивъ свои объясненія, Мясоѣдовъ обвелъ главами судей и, замѣтивъ на ихъ лицахъ улыбку, воскликнулъ:

— Какіе же вы царскіе слуги, если въ васъ возбуждаютъ усмѣшку мои слова о царѣ?

Хорошъ же былъ слуга царю и врагъ отечеству самъ предатель Мясоѣдовъ, который въ угоду Николаю II продавалъ Вильгельму всю Россію.

III.

Послѣ казни Мясоѣдова на фронтѣ и въ Петроградѣ упорно заговорили о томъ, что военный министръ Сухомлиновъ—государственный измѣнникъ, предатель Россіи.

Нитью къ раскрытію его измѣны послужила переписка Мясоѣдова съ Альтшиллеромъ. Оказалось, что съ этимъ Альтшиллеромъ Сухомлиновъ находился въ дружбѣ. Познакомился онъ съ нимъ еще въ 1909 г. Сухомлиновъ тогда жилъ въ Кіевѣ, занимая должность генералъ-губернатора. Альтшиллеръ тоже жилъ въ Кіевѣ, занимался какими-то темными денежными дѣлами и слылъ за человѣка подозрительнаго. У Сухомлинова имѣлись о немъ свѣдѣнія, какъ объ австрійскомъ шпіонѣ. Изобличить же его было невозможно, потому что всѣ тѣ важныя и секретныя свѣдѣнія, которыя онъ добывалъ, онъ не посылалъ почтой, а лично самъ докладывалъ въ Вѣнѣ (столицѣ Австріи). Повторяемъ, что Сухомлиновъ зналъ о шпіонской дѣятельности Альтшиллера, тѣмъ не менѣе открыто водилъ съ нимъ дружбу.

Однажды на богатомъ балу, благодаря тому же Альтшиллеру, Сухомлиновъ познакомился съ женой помѣщика Буткевича, молодой и красивой женщиной, которая ему сразу понравилась. Знакомство вскорѣ перешло въ дружбу. Сухомлиновъ предложилъ Буткевичъ выйти за него замужъ. Она не отказалась, да бѣда ея въ томъ была, что мужъ не хотѣлъ давать ей развода. Тутъ на помощь явился Альтшиллеръ, обнадежилъ ее и его, что онъ устроитъ имъ разводъ. Около этого времени Сухомлиновъ получилъ назначеніе на должность начальника генеральнаго штаба. Въ скоромъ времени онъ занялъ постъ военнаго министра.

Альтшиллеръ пріѣхалъ въ Петроградъ и добился-таки, что Буткевичъ получила разводъ, помимо желанія мужа. Сухомлиновъ поспѣшилъ сыграть свадьбу, при чемъ Альтшиллеръ былъ у него шафэромъ.

Живя въ Петроградѣ, Альтшиллеръ дня не пропускалъ, чтобы не побывать у министра и, бесѣдуя съ нимъ, получалъ отъ него всѣ свѣдѣнія, которыя были нужны ему. Министръ былъ съ нимъ очень откровененъ, сообщалъ ему военныя тайны, сообщалъ и о своихъ докладахъ царю.

Альтшиллеръ цѣнилъ такую откровенность, и однажды въ знакъ благодарности подарилъ женѣ министра мѣховъ на сто тысячъ рублей.

Въ Петроградѣ Альтшиллеръ открылъ торговую контору. Но въ ней не было ни товару ни книгъ для записи, а называлась конторой она для отвода глазъ, на самомъ же дѣлѣ служила мѣстомъ сборища проживающихъ въ Петроградѣ австрійскихъ

и германскихъ шпіоновъ. Управлялъ ею Гошкевичъ, братъ жены министра. Онъ въ то же время служилъ чиновникомъ въ министерствѣ торговли, получалъ жалованья 64 рубля въ мѣсяцъ, а проживалъ въ годъ сто тысячъ рублей.

О томъ, что военный министръ ведетъ дружбу съ Альтшиллеромъ, было извѣстно многимъ. Было извѣстно и то, что онъ подозрѣвается въ шпіонствѣ. И на этотъ разъ тотъ же сенаторъ Макаровъ письменно предупредилъ Сухомлинова. Но министръ отвѣтилъ ему, что онъ знаетъ Альтшиллера десятки лѣтъ какъ честнаго человѣка и готовъ поручиться за него. А «честный» человѣкъ работалъ такъ успѣшно, что самыя важныя тайны государственной обороны Россіи стали извѣстны австрійскому правительству. Само-собою разумѣется, что Альтшиллеръ узнавалъ ихъ отъ самого военнаго министра. Въ мартѣ 1914 года Альтшиллеръ уѣхалъ въ Вѣну, гдѣ купилъ себѣ имѣніе. А свою контору онъ оставилъ на Гошкевича и своего сына Оскара. Послѣ его отъѣзда о немъ уже открыто стали говорить, что онъ австрійскій шпіонъ. Сухомлиновъ же велъ съ нимъ переписку, и за нѣсколько дней до объявленія войны обѣщалъ пріѣхать къ нему въ гости.

Альтшиллеръ велъ большую переписку съ Гошкевичемъ, который теперь сталъ главнымъ шпіономъ. Черезъ посредство своей сестры, жены Сухомлинова, онъ получалъ секретныя свѣдѣнія и пересылалъ ихъ Альтшиллеру. Помимо Гошкевича и другихъ нѣмецкихъ и австрійскихъ шпіоновъ подъ руководствомъ того же Альтшиллера, работалъ еще капитанъ Ивановъ. Объ Ивановѣ генералъ Мани-

ковскій отозвался, какъ о человѣкѣ безчестномъ, изъ-за денегъ готовымъ на все. Онъ говорилъ Сухомлинову, что Иванова нельзя допускать къ работамъ по секретнымъ крѣпостнымъ сооруженіямъ. Но Сухомлиновъ и слушать его не хотѣлъ. Оказывая свое покровительство Иванову, онъ приказалъ допустить его къ наблюденію за упомянутыми работами, разрѣшилъ ему пользоваться секретными планами крѣпостей. Ивановъ снималъ копіи съ этихъ плановъ и черезъ Гошкевича направлялъ ихъ Альтшиллеру.

Былъ еще одинъ капитанъ (отставной) Михайловъ. Онъ подозрѣвался въ сношеніи съ шпіономъ барономъ Унгернъ-Штернбергомъ. Въ 1910 году, благодаря ходатайству вліятельныхъ лицъ, онъ былъ принятъ на службу въ канцелярію комиссіи государственной обороны. Члены Государственной Думы Гучковъ и Крупенскій получили о немъ свѣдѣнія, какъ о человѣкѣ подозрительномъ, ненадежномъ, котораго не слѣдуетъ допускать къ секретнымъ дѣламъ канцеляріи. Крупенскій доложилъ объ этомъ Сухомлинову, а тотъ въ отвѣтъ только и сказалъ: «Михайловыхъ много,—какъ имя его?»—И никакихъ распоряженій о Михайловѣ не сдѣлалъ, хотя, конечно, отлично зналъ, о какомъ Михайловѣ шла рѣчь.

А. И. Гучковъ не упускалъ изъ вида Михайлова и, замѣтивъ, что тотъ подбирается къ секретнымъ дѣламъ, уволилъ его въ отставку. Михайловъ пожаловался военному министру, а тотъ призывалъ его къ себѣ и бесѣдовалъ съ нимъ.

Изъ всего сказаннаго видно, что военный министръ благоволилъ шпіонамъ, которые собрались вокругъ него, какъ пчелы около матки. Мало того, онъ и защищалъ ихъ. Такъ, напримѣръ, когда, послѣ казни Мясоѣдова, были арестованы шпіоны Оскаръ Альтшиллеръ и Конперъ, онъ поспѣшилъ начать хлопоты объ ихъ освобожденіи, увѣряя, что знаетъ ихъ за самыхъ честныхъ людей. И добился освобожденія ихъ. Но такъ какъ противъ нихъ были важныя улики, то ихъ предали суду вторично. На этотъ разъ Сухомлиновъ еще съ большимъ усердіемъ принялся хлопотать за нихъ. Въ своемъ письмѣ къ начальнику юго-западнаго фронта онъ вотъ что писалъ объ этихъ двухъ шпіонахъ: «Будьте добры, доложите главнокомандующему мою покорную просьбу скорѣе разобрать это дѣло, войти въ положеніе неповинныхъ людей. Дѣла серьезнаго у насъ теперь много, и отвлекаться по дѣламъ, подобнымъ Альтшиллеровскому, по-моему, не цѣлесообразно». Но хлопоты его пропали даромъ: по приговору военно-полевого суда шпіоны были повѣшены.

Хлопоталъ онъ объ освобожденіи и другихъ задержанныхъ шпіоновъ и всегда добивался освобожденія ихъ.

О Сухомлиновѣ въ Государственной Думѣ и всюду стали говорить, какъ уже о государственномъ измѣнникѣ, предателѣ Россіи. Доложили объ этомъ царю, а тотъ и слышать этого не хотѣлъ: дескать, не можетъ быть, чтобы военный министръ оказался измѣнникомъ. Я де знаю его, какъ вѣрнаго слугу царя и отечества! Но все же, въ концѣ-концовъ,

сдался и приказалъ произвести надъ Сухомлиновымъ слѣдствіе, а самъ вотъ что написалъ ему:

«Дорогой Владиміръ Александровичъ! Я призналъ за благо назначить верховную комиссію надъ дѣятельностью вашей, военнаго министра. Пусть генералъ Н. П. Петровъ, назначенный предсѣдателемъ этой комиссіи, и народные избранники (члены Государственной Думы), входящіе въ составъ комиссіи, скажутъ вашимъ зоиламъ (хулителямъ) въ Государственной Думѣ, что вы вѣрно служили царю и отечеству. Пусть теперь въ этомъ убѣдятся тѣ, которые считаютъ васъ виновникомъ ниспосланныхъ намъ Господомъ Богомъ боевыхъ неудачъ. Наша продолжительная совмѣстная работа убѣдила меня въ вашей преданности мнѣ и нашей родинѣ. Искренно уважающій васъ Николай».

Сухомлиновъ былъ отстраненъ отъ должности и съ казенной квартиры переѣхалъ на частную. Въ Петроградѣ для него нашлось бы не мало квартиръ, но онъ поселился въ квартирѣ, которую занималъ австрійскій шпіонъ. И пока велось слѣдствіе, онъ не прекращалъ сношенія съ шпіонами. Однихъ изъ нихъ обнаружили, другіе успѣли скрыться. Но теперь онъ самъ готовился къ побѣгу, потому что отлично понималъ, что ему не сдобровать.

Надежды царя на то, что комиссія выяснитъ, что Сухомлиновъ не виновенъ въ возведенномъ на него обвиненіи, не оправдались. Напротивъ, комиссія-то и выяснила все то, что мы раньше написали о немъ, она установила, что Сухомлиновъ дѣйствительно государственный измѣнникъ, что только вслѣдствіе его предательства, мы потерпѣли такія

тяжкія неудачи на войнѣ. Онъ виновникъ того, что Россія не была подготовлена къ войнѣ. Когда, въ началѣ войны, его спросили, готова ли Россія воевать, онъ отвѣтилъ, что давно и вполнѣ готова, что у него все въ исправности: въ изобиліи запасены боевые припасы, оружіе, и имѣется наготовѣ все необходимое для успѣшнаго веденія войны. На дѣлѣ же оказалось, что у него ничего не было готово, что онъ нарочито обманулъ русскій народъ, обманулъ всю Россію единственно ради того, чтобы изъ-за денегъ продать ее Германіи. Тутъ ужъ и царь ничѣмъ не могъ помочь ему: улики были налицо, и онъ приказалъ арестовать его. А Сухомлиновъ чуть было не скрылся, если бы помедлили еще немного съ его арестомъ. На квартирѣ у него нашли крестьянскую одежду, лапти, накладную бороду. Видимое дѣло, онъ хотѣлъ нарядиться русскимъ мужикомъ и бѣжать за границу.

IV.

Кромѣ Сухомлинова, было еще много предателей. Они работали въ министерствахъ внутреннихъ дѣлъ, путей сообщенія, земледѣлія и другихъ. Работали они на фронтѣ, въ тылу и при царскомъ дворѣ. Были тутъ крупные предатели, была тутъ и мелкая сошка. Но тѣ и другіе работали на погибель Россіи. Одни грабили ее, пили ея кровь, другіе разрабатывали планъ, какъ бы ее предать такъ, чтобы потомъ самимъ выйти изъ грязной воды чистыми. Былъ у нихъ одинъ планъ, на который они возлагали большія надежды, но

тотъ планъ, въ концѣ-концовъ, ихъ же и погубилъ.

Всѣмъ извѣстно, что по договору союзниковъ (Россіи, Англіи, Франціи, Италіи) ни одинъ изъ нихъ не долженъ заключать отдѣльнаго мира съ Германіей. А Германія уже на второй годъ войны готова была заключить съ Россіей отдѣльный миръ. Она готова была очистить отъ войскъ всѣ занятыя ею мѣстности. Предатели готовы были принять такое предложеніе, готовы были заключить съ ней миръ но открыто этого не высказывали: хотѣли знать, какъ смотритъ на предложеніе Германіи русскій народъ. А русскій народъ прекрасно понимаетъ, что если Россія заключитъ съ Германіей отдѣльный миръ, то Вильгельмъ справится съ ея союзниками Англіей, Франціей и Италіей, а затѣмъ черезъ годъ, много черезъ три нападетъ и на Россію. Оставшись одна, безъ сильной поддержки союзниковъ, Россія уже не справится съ Германіей. И потому, русскій народъ, посылая своихъ сыновей на войну, терпя всѣ тяготы, рѣшилъ воевать до конца, до полной побѣды надъ врагомъ.

Тогда предатели рѣшили довести народъ до того, чтобы онъ самъ запросилъ мира съ Германіей. А для того, чтобы заставить его просить мира, надо было, чтобы наши неудачи на войнѣ стали ощутительнѣе, чтобы внутри страны повсемѣстно начались безпорядки, бунты. Тогда у нашего правительства былъ бы поводъ къ заключенію отдѣльнаго мира, и была бы причина къ оправданію своего поступка передъ союзниками: въ Россіи де начался всеобщій пожаръ, революція, вся страна въ опас-

ности — снарядовъ боевыхъ некому готовить, продовольствія для войскъ нѣтъ, народъ голодаетъ! Тутъ ужъ не до войны, надо спасать, что осталось, а то и этого лишимся.

Сразу привести въ исполненіе такой планъ нельзя было, и предатели начали проводить его постепенно. Еще въ началѣ второго года войны они постарались создать безпорядки и волненія во многихъ городахъ, а главнымъ образомъ — въ Москвѣ.

Какъ извѣстно, въ Россіи издавна проживаютъ многія тысячи нѣмцевъ, и многіе изъ нихъ совсѣмъ обжились у насъ. Въ городахъ одни десятки лѣтъ владѣли фабриками и заводами, другіе вели обширную торговлю. Послѣ объявленія войны они оставались въ Россіи въ качествѣ военнопленныхъ. Вотъ на нихъ-то предатели и начали черезъ своихъ холоповъ натравливать народъ, увѣряя, что всѣ эти нѣмцы поголовно шпіоны, что съ ними надо какъ можно скорѣе раздѣлаться. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ агенты и продажныя уличныя газеты твердили, что настала пора сокрушить шпіоновъ. Но пока къ дѣлу не приступала полиція, погромовъ не было. А какъ только она подала сигналъ, они и начались во многихъ городахъ и самый большой изъ нихъ былъ въ Москвѣ. Громили фабрики, заводы, магазины, частныя квартиры, уничтожали имущество, но, главнымъ образомъ, грабили его. Полиція не препятствовала погромамъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ нихъ участвовали переодѣтые городовые. Громили, главнымъ образомъ, хулиганы, разный городской сбродъ, босяки, воры и жулье. Тутъ

никто и не думалъ о сокрушеніи нѣмецкихъ шпіоновъ, а всякъ думалъ только о грабежѣ и пьянствѣ. Въ Москвѣ, напримѣръ, толпа кинулась первымъ дѣломъ на водочные и винные склады нѣмецкихъ, а также и русскихъ (некогда было разбирать!) фирмъ. Дорвавшись до водки, толпа ничѣмъ уже не интересовалась, пила и упивалась. Многіе при этомъ опивались до-смерти. Пьяная толпа бушевала три дня, разгромила тысячи магазиновъ, фабрикъ, сожгла много зданій, въ томъ числѣ и русскихъ.

Благоразумные люди старались раскрыть глаза темнымъ людямъ, что эти погромы только на руку нашему врагу. И все русское общество осуждало эти погромы.

Неизвѣстно, возможно, что погромы пошли бы по всей Россіи и превратились бы въ народные бунты, при чемъ начался бы разгромъ и русскихъ фабрикъ и магазиновъ и болѣе или менѣе состоятельныхъ людей,—словомъ, началась бы страшная междоусобная рѣзня. Но нѣмецкой партіи при дворѣ царя стало жаль нѣмцевъ, и отданъ былъ приказъ прекратить погромы.

И та же полиція, которая сама подстрекала къ погрому, поджогамъ, принялась разстрѣливать погромщиковъ. И погромы въ одинъ день были прекращены. Потомъ начали доискиваться виновныхъ. Главныхъ виновниковъ надо было искать въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и при дворѣ царя. И предатели не задумались пожертвовать своимъ сообщникомъ-министромъ внутреннихъ дѣлъ, которому приказано было подать въ отставку. Потомъ

уволены нѣкоторые градоначальники, полицеймейстеры. Была назначена слѣдственная комиссія для выясненія виновныхъ. Но все это дѣлалось лишь для отвода глазъ, была лишь одна комедія: надо было показать русскому обществу, что высшее правительство не было причастно къ этимъ погромамъ. Но обмануть они могли только людей простодушныхъ, не далекихъ, которые не умѣютъ разобраться въ томъ, что происходитъ вокругъ нихъ, не могутъ вникнуть въ корень вещей.

Правительство, въ сущности, было весьма довольно: погромы удались, значитъ, въ будущемъ можно на нихъ вполнѣ расчитывать.

Теперь оно начало дѣйствовать съ другого конца: надо было обезсилить фронтъ, сдѣлать его неспособнымъ сопротивляться врагу и довести тылъ до голода, чтобы народъ, дойдя до отчаянія, началъ бунтовать..., начавъ всеобщую рѣзню. И за выполненіе этого плана оно и принялось. А министры въ это время смѣнялись одинъ за другимъ. Предатели, столпившіеся около царя, искали такого министра, который былъ готовъ на все, что ему прикажутъ дѣлать. Случайно, попадались въ министры люди совѣстливые, еще не потерявшіе стыдъ и помнящіе Бога. Но они оставались у власти недолго, ихъ тотъ же часъ увольняли, замѣняли своими людьми. Изъ этихъ своихъ людей особенно пришлись имъ по-душѣ Штюрмеръ и Протопоповъ, занимавшіе другъ за другомъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Они дѣятельно готовили гибель Россіи, копали для нея глубокую яму, но сами упали въ нее и потащили за собой и царя.

V.

Пока въ столицахъ и крупныхъ городахъ оставались старые запасы муки, топлива (дровъ, угля, нефти, керосина) и разныхъ товаровъ, оно не испытывало нужды. Но этихъ запасовъ хватило не надолго, и уже на второй годъ стала ощущаться нужда во всемъ. А появилась эта нужда потому, что подвозъ продовольствія и товаровъ былъ очень не достаточенъ. Происходило это не потому, что въ Россіи былъ сильный недостатокъ въ мукѣ, крупѣ, соли и другихъ предметахъ первой необходимости. Всего было много, особенно муки, только произошло разстройство желѣзнодорожнаго движенія. Правительство, въ лицѣ министровъ путей сообщенія увѣряло, что этого разстройства нѣтъ, а что дѣйствительно произошла временная заминка, такъ какъ почти всѣ свободные вагоны заняты для нуждъ арміи. Но это была ложь, потому что разстройство на желѣзныхъ дорогахъ было полное, и произошло оно вслѣдствіе измѣннической работы предателей. Можно было бы подтвердить это множествомъ примѣровъ, но намъ думается, что достаточно и одного-двухъ изъ нихъ, чтобы доказать, что упомянутое разстройство произошло не случайно, а умышленно. Въ то время, когда для подвоза продовольствія въ столицы не хватало вагоновъ, тысячи пустыхъ вагоновъ стояли на станціяхъ на запасныхъ путяхъ и въ тупикахъ, забитыхъ груженными вагонами. Зачѣмъ они попали туда? Желѣзнодорожное начальство объясняло, что еще до войны, когда въ нихъ не было надобности, они

попали туда, потомъ ихъ забили другими вагонами. И, если теперь начать извлекать оттуда, то придется произвести заминку съ своевременнымъ пропускомъ вагоновъ, направляющихся на фронтъ; а всякое промедленіе въ пути ихъ можетъ вредно отозваться на нашихъ успѣхахъ въ борьбѣ съ врагомъ и т. д. Словомъ, объясненіе было найдено. Но оно съ начала до конца—ложь, и больше ничего. Вагоны умышленно были запрятаны подальше съ единственною цѣлью, чтобы сократить подвозъ продовольствія въ города и на фронтъ.

Другой примѣръ: въ то время, когда каждый вагонъ былъ дорогъ для обслуживанія нуждъ городовъ и фронта, дворцовый комендантъ генералъ Воейковъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи цѣлый поѣздъ для развозки по городамъ изъ его имѣнія минеральной воды «кувака», которая по хорошей цѣнѣ продавалась въ рестораны, какъ прохладительный напитокъ. И случалось нерѣдко, что въ то время, когда въ городѣ поджидали транспортъ хлѣба, неожиданно появлялся поѣздъ съ этой «кувакой».

Между тѣмъ, въ столицахъ и во многихъ городахъ сталъ ощущаться острый недостатокъ въ хлѣбѣ, сахарѣ, соли, крупѣ, въ мясѣ. У булочныхъ и хлѣбопекаренъ вытягивались длинные предлинные хвосты очереди: люди стояли по пяти-восьми часовъ на холодѣ, дождѣ, дожидаясь, когда дойдетъ до нихъ очередь получить два-три фунта хлѣба. Такія же очереди стояли ради полученія сахара, мыла, масла, а мясо бралось съ бою, несмотря на то, что оно продавалось вмѣсто 30 коп. по рублю за фунтъ.

Кормъ для скота подвозился въ столицы очень скудно, цѣны на него поднялись страшно высоко. И вмѣстѣ съ тѣмъ плата за перевозку поднялась высоко. А какъ она поднялась, можно судить по тому, что если въ первый годъ войны извозчикъ въ столицахъ за доставку сѣдока отъ одного мѣста до другого бралъ 20 копеекъ, то потомъ бралъ уже 1 р. 50 к., 2 рубля, а ломовики за перевозку тяжестей вмѣсто прежнихъ двухъ рублей стали брать 25—30 рублей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ дороговизна въ городахъ стала расти не по днямъ, а по часамъ. Шайки скупщиковъ скупили всевозможные товары и затѣмъ, продержавъ ихъ нѣкоторое время, продавали въ 10—15 разъ дороже.

Правительство, желая показать, что оно оберегаетъ населеніе отъ хищниковъ-купцовъ, начало штрафовать ихъ. Но штрафовали мелкихъ торговцевъ, правда, очень хищныхъ, но наживавшихъ какія-нибудь сотни рублей, и въ то же время благоволило тѣмъ хищникамъ, которые въ короткое время наживали сотни тысячъ и десятки милліоновъ рублей. Да, какъ оно стало бы ихъ преслѣдовать, когда многіе изъ представителей правительства такъ или иначе участвовали въ этой наживѣ? Сѣчь самихъ себя для нихъ не было резона!

А хлѣба въ городахъ не доставало все больше и больше. Населеніе стало сильно недоѣдать. Почему же это случилось? Неужели же весь хлѣбъ шелъ на фронтъ? Нѣтъ, запасы хлѣба были большіе. Его было много въ деревняхъ, много было

въ городахъ хлѣбныхъ губерній. Все зло заключалось въ томъ, что желѣзныя дороги не давали вагоновъ для погрузки хлѣба, а желѣзнодорожное начальство не выпускало со станціи тѣ вагоны, которые раньше удалось нагрузить хлѣбомъ. И въ то время, когда въ городахъ былъ острый недостатокъ въ хлѣбѣ, на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ его было сотни тысячъ и милліоны пудовъ. Вагоны, нагруженные мукой, стояли на станціяхъ по десяти-двѣнадцати мѣсяцевъ. Мука гнила, становилась не только не годной, но вредной для потребленія. То же самое было съ топливомъ. Громадные штабели дровъ стояли на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ только потому, что не хотѣли дать вагоновъ подъ перевозку ихъ, а если кому и давали, то лишь за взятку. Эту взятку торговецъ дровами втрое сдиралъ съ населенія. Каменный уголь и нефть, направляемыя для столицъ и городовъ желѣзныя дороги обращали въ свою пользу, хотя онѣ имѣли полную возможность получать топливо и инымъ путемъ.

Во многихъ губерніяхъ губернаторы распорядились отдать приказъ, чтобы изъ губерніи не вывозили ни хлѣба, ни сѣна, ни масла: самимъ, дескать, надо. И вотъ случилось, что въ одной губерніи большой недостатокъ въ хлѣбѣ, а въ другой его большой избытокъ и продать его некуда. Или, напримѣръ, въ Сибири, вслѣдствіе запрещенія вывоза коровьяго масла, его некуда было дѣть и его употребляли на выработку мыла, тогда какъ въ столицахъ оно дошло до 3 рублей за фунтъ.

Если въ столицахъ и въ городахъ, а также въ арміи не произошло настоящаго голода, то только благодаря дѣятельности союзовъ городовъ и земствъ, которые снабжали ихъ продовольствіемъ. Если бы правительство совсѣмъ отстранилось отъ продовольственнаго дѣла, то не было бы и нужды въ продовольствіи, не было бы и разстройства желѣзнодорожнаго сообщенія. Но тогда оно должно было бы отказаться отъ своего плана погубить Россію. И потому оно на каждомъ шагу чинило союзамъ всевозможныя препятствія и отдало ихъ подъ надзоръ полиціи и жандармовъ. Сплошь и рядомъ случалось, что губернаторы запрещали вывозить изъ губерніи закупленные уполномоченными союзовъ земствъ и городовъ для нуждъ арміи скотъ, хлѣбъ, ссылаясь на то, что само населеніе терпитъ продовольственную нужду. На самомъ же дѣлѣ этой нужды въ губерніи не было. Въ одно время правительство воздвигло гоненіе на эти союзы и хотѣло было закрыть ихъ, но спасла ихъ отъ гибели Государственная Дума, а также хорошіе отзывы объ ихъ дѣятельности главнокомандующихъ арміями. Само же правительство въ дѣлѣ снабженія арміи продовольствіемъ поступало такъ, какъ не принято поступать нигдѣ, если хотятъ въ цѣлости сохранить государственное хозяйство, не хотятъ грабить казну и довести армію и населеніе до голода. Такое важное и отвѣтственное дѣло оно поручало чиновникамъ, ничего въ немъ не понимающимъ, а то и просто людямъ недобросовѣстнымъ. Такъ, напримѣръ, министерство земледѣлія послало въ Сибирь чиновниковъ для закупки скота.

Они накупили скота много, погрузили его въ вагоны. Но когда скотъ прибылъ на фронтъ, то изъ всего количества уцѣлѣло меньше трети, остальной подохъ дорогой отъ безкормицы. Тогда рѣшено было заготавливать мясо на мѣстѣ. Закупили чиновники множество скота, при чемъ реквизировали (принуждали продавать) при помощи полиціи и тельныхъ коровъ и телятъ. Наготовили они мяса четыре милліона пудовъ и не думали отправлять его на фронтъ. Проходитъ мѣсяцъ, другой, третій (дѣло зимой было), мясо лежитъ. А въ Сибири уже настала нужда въ мясѣ, и цѣна на него съ 4 к. дошла до 40 к. за фунтъ. Сибирскіе кооперативныя общества просили чиновниковъ распредѣлить этотъ запасъ по обществамъ, чтобы продать его населенію. Чиновники отказали. Часть мяса была отправлена въ Москву, но большая часть уже начала гнить. Такъ поступаютъ только тѣ, кто стремится разорить страну. Впрочемъ, чиновники дѣлали то, что было желательно правителямъ. А правители, какъ на подборъ, были одинъ хуже другого. Вокругъ нихъ кишмя кишѣла стая разныхъ хищниковъ, которые со всѣхъ сторонъ рвали и терзали истекающую кровью Россію.

Министру Штюрмеру не удалось довести до конца своего злого умысла: помѣшалъ другъ и пріятель чиновникъ, сыщикъ, вымогатель и мошенникъ Манасевичъ-Мануйловъ. Пользуясь своею близостью къ министру, Манасевичъ бралъ и вымогалъ взятки направо налѣво и, наконецъ, зарвался. Произошелъ крупный скандалъ, замять который не удалось. Штюрмеръ ушелъ въ отставку, а другъ

его попалъ подъ судъ и былъ осужденъ въ арестантскія роты. Штюрмера замѣнилъ Протопоповъ. Этотъ былъ еще хуже. Холопъ и хамъ въ душѣ, онъ, почувствовавъ въ рукахъ власть, задумалъ залить всю страну кровью. Задавилъ онъ печать (газеты, журналы), запретилъ писать о нуждахъ Россіи, раскрывать вопіющія дѣла, давилъ ихъ штрафами, закрывалъ ихъ, писателей, редакторовъ высылалъ въ Сибирь, арестовывалъ и сажалъ въ тюрьмы рабочихъ, повинныхъ только въ томъ, что они отдали свой трудъ, силы на благо родины. И много-много зла причинилъ онъ Россіи. Онъ добился-таки того, что въ столицахъ уже не хватало хлѣба, и имъ угрожалъ голодъ. Народъ началъ волноваться. Протопоповъ, ожидая погромовъ, приготовилъ для него пулеметы, бомбы. Приближался грозный часъ. Но народъ вышелъ на улицу не для погромовъ: онъ соединился съ арміей и свергъ царскую власть и вмѣстѣ съ нею ея холоповъ министровъ и остальныхъ опричниковъ.

Совершилась въ странѣ Великая Революція, и Россія начала новую жизнь.

Институтъ В. И. Ленина

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАЙМЫ,

ИХЪ ПОЛЬЗА ДЛЯ НАРОДА И ВЫГОДНОСТЬ ПОКУПКИ ИХЪ ОБЛИГАЦІЙ.

Государству, какъ и отдѣльному человѣку, иногда не хватаетъ тѣхъ денегъ, которыя оно обычно получаетъ. Нападаетъ на государство непріятель, начинается война,—нужны деньги. Наступаетъ, какъ теперь въ Россіи, такое время, когда можно и нужно сдѣлать скорѣе народъ грамотнымъ, построить желѣзныя дороги, научить крестьянъ, какъ выгоднѣе обрабатывать землю,—опять нужно много денегъ. А гдѣ ихъ взять? Увеличивать на много налоги—нельзя, народу будетъ тяжело и вмѣсто пользы можетъ выйти разореніе.

Какъ быть? Нужно занять деньги. Государство, какъ и отдѣльные люди, выдаетъ тому, у кого оно займетъ деньги, расписку „облигацію", по которой обязуется уплатить долгъ къ сроку и платить уговоренные проценты. Одолжить деньги государству выгоднѣе, чѣмъ давать въ долгъ отдѣльнымъ людямъ. Тѣ могутъ не отдать, умереть или обѣднѣть.

Государство—другое дѣло. Оно всегда отдаетъ долгъ, да и проценты, когда приходитъ срокъ, можно получить по купону сейчасъ же въ казначействѣ или въ другомъ мѣстѣ. Бываетъ одолжишь кому-либо деньги, а вдругъ черезъ нѣкоторое время они и самому понадобятся да поздно,—до срока получить нельзя. Государственную бумагу всегда можно продать,—ее всякій купитъ. Если жаль продать бумагу, можно заложить ее въ каждомъ банкѣ.

Во Франціи народъ давно понялъ, какъ выгодно покупать бумаги государственныхъ займовъ. Почти каждый французскій крестьянинъ имѣетъ такія бумаги.

Сейчасъ новое, народное правительство въ Россіи выпускаетъ „Заемъ Свободы", чтобы скорѣе кончить войну и помочь странѣ стать просвѣщенной и сильной. [illegible]мая маленькая бумага этого займа стоитъ 42 р. 50 к.—а [illegible]оцентовъ каждый годъ даетъ 2 р. 50 к. Когда ей [illegible]детъ срокъ—за нее правительство платитъ 50 руб. [illegible]агу эту можно купить во всѣхъ сберегательныхъ [illegible] казначействахъ и банкахъ. Всякому у кого есть [illegible]я деньги выгодно купить такую бумагу.

[illegible]ѣ польза и государству польза.